

Совет по правам человека
Рабочая группа по произвольным задержаниям**Мнения, принятые Рабочей группой по произвольным задержаниям на ее восемьдесят девятой сессии, 23–27 ноября 2020 года****Мнение № 78/2020 относительно Кая Ли (Китай)**

1. Рабочая группа по произвольным задержаниям была учреждена в соответствии с резолюцией 1991/42 Комиссии по правам человека. Комиссия продлила и уточнила мандат Рабочей группы в своей резолюции 1997/50. Во исполнение резолюции 60/251 Генеральной Ассамблеи и решения 1/102 Совета по правам человека Совет взял на себя ответственность за осуществление мандата Комиссии. В последний раз Совет продлил на трехлетний срок мандат Рабочей группы в своей резолюции 42/22.
2. В соответствии со своими методами работы (A/HRC/36/38) Рабочая группа 10 марта 2020 года препроводила правительству Китая сообщение относительно Кая Ли. Правительство ответило на это сообщение 29 апреля 2020 года. Государство не является участником Международного пакта о гражданских и политических правах.
3. Рабочая группа считает лишение свободы произвольным в следующих случаях:
 - a) когда сослаться на какие бы то ни было правовые основания для лишения свободы явно невозможно (например, когда лицо продолжает содержаться под стражей сверх назначенного ему по приговору срока наказания или вопреки распространяющемуся на него закону об амнистии) (категория I);
 - b) когда лишение свободы является следствием осуществления прав или свобод, гарантированных статьями 7, 13, 14, 18, 19, 20 и 21 Всеобщей декларации прав человека и — в отношении государств-участников — статьями 12, 18, 19, 21, 22, 25, 26 и 27 Международного пакта о гражданских и политических правах (категория II);
 - c) когда полное или частичное несоблюдение международных норм относительно права на справедливое судебное разбирательство, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека и применимых международно-правовых документах, принятых соответствующими государствами, является настолько серьезным, что это придает лишению свободы произвольный характер (категория III);
 - d) когда просители убежища, иммигранты или беженцы подвергаются длительному административному задержанию без возможности пересмотра дела или получения правовой защиты в административном или судебном порядке (категория IV);
 - e) когда лишение свободы является нарушением международного права в силу дискриминации по признаку рождения, национального, этнического или социального происхождения, языка, религии, экономического положения, политических или иных убеждений, пола, сексуальной ориентации, инвалидности или

иною статуса, которая приводит или может привести к игнорированию принципа равенства людей (категория V).

Представленные материалы

Сообщение источника

4. Кай Ли 1962 года рождения является гражданином Соединенных Штатов Америки. Обычно он проживает в Нью-Йорке. Г-н Ли является владельцем компании по продаже имитаторов солнечного излучения, обрабатывающего оборудования на солнечных батареях и материалов для космического и наземного применения.

5. Источник сообщает, что 9 сентября 2016 года г-н Ли прибыл в Шанхай, чтобы навестить семью по прошествии одного года после смерти его матери. После приземления в международном аэропорту Пудун его тотчас же задержали сотрудники Шанхайского бюро государственной безопасности.

6. Источник сообщает, что единственным документом, предъявленным должностными лицами во время задержания г-на Ли, было уведомление о наблюдении по месту жительства, в котором содержится текст статьи 73 уголовно-процессуального закона¹. Эта статья предоставляет властям право задерживать лиц, подозреваемых в создании угрозы государственной безопасности, и требует от властей уведомлять членов семьи в течение 24 часов с момента помещения подозреваемого под наблюдение по месту жительства.

7. Источник утверждает, что уведомление о наблюдении по месту жительства не является ордером в строгом смысле этого слова, поскольку не дает никаких оснований для выяснения того, почему г-на Ли заподозрили в создании угрозы для государственной безопасности. Согласно источнику, должностные лица Соединенных Штатов Америки неоднократно запрашивали о таких подробностях, но никаких ответов представлено не было.

8. Источник сообщает далее, что 25 ноября 2016 года, после двух с половиной месяцев наблюдения по месту жительства в установленном месте Шанхайское бюро государственной безопасности направило официальное уведомление об аресте. Власти не сообщили никаких конкретных причин ареста г-на Ли. По сообщению источника, в уведомлении об аресте содержится широкое обвинение в шпионаже. В нем также содержится ссылка на статью 78 уголовно-процессуального закона.

9. Источник отмечает, что в вышеупомянутом положении говорится, что аресты подлежат утверждению прокуратурой или судом. Источник сообщает, что дело было впервые передано в прокуратуру 24 февраля 2017 года, т. е. через пять с половиной месяцев после первоначального ареста. Первое рассмотрение дела в суде состоялось в апреле 2017 года. Источник, таким образом, приходит к выводу о том, что правовые основания для ареста г-на Ли не ясны.

10. Источник утверждает, что после официального ареста 25 ноября 2016 года г-на Ли перевели в Шанхайский центр содержания под стражей № 1, где его содержали до начала марта 2019 года. С начала марта 2019 года г-на Ли содержат в тюрьме Цинпу в Шанхае.

11. Источник сообщает, что власти не представили никаких иных оснований для предварительного содержания г-на Ли под стражей, кроме невинных подозрений в шпионаже, как это указано в уведомлении об аресте.

12. Источник сообщает далее, что судебный процесс, который первоначально был запланирован на май 2017 года, дважды откладывался без объяснений со стороны властей вплоть до 10 августа 2017 года, т. е. почти на год после первоначального ареста г-на Ли. Оглашение приговора в результате этого судебного процесса состоялось почти год спустя, 25 июля 2018 года, когда Шанхайский народный суд № 1

¹ В пересмотренном в 2018 году уголовно-процессуальном законе соответствующей статьёй теперь является статья 75.

промежуточной инстанции вынес приговор в отношении г-на Ли. В судебном решении г-н Ли был обвинен в том, что, действуя от имени Федерального бюро расследований Соединенных Штатов, собрал четыре государственных секрета, и приговорен к 10 годам тюремного заключения, штрафа в размере 50 тыс. китайских юаней (примерно 7300 долл. США) и депортации.

13. Источник отмечает, что судебное разбирательство проходило за закрытыми дверями, что, как утверждает источник, является нарушением статьи 10 Всеобщей декларации прав человека. Источник вдобавок заявляет, что суды Китая не пользуются судебной независимостью и что доля обвинительных приговоров составляет более 99,9 процента.

14. Апелляционное слушание по делу г-на Ли состоялось 29 декабря 2018 года и также было проведено за закрытыми дверями. Перед тем, как огласить приговор, председатель суда заявила, что не имеет реальных средств контроля над исходом дела и «ожидает, когда ее начальник даст ей указания» в отношении приговора г-на Ли. Источник утверждает, что это служит ярким свидетельством того, что судебное разбирательство в отношении г-на Ли не было справедливым и беспристрастным. Он утверждает, что распоряжение о задержании г-на Ли было скорее дано политическими властями, у которых имелась возможность действовать вопреки мнению судьи. Источник ставит под вопрос наличие каких-либо доказательств против г-на Ли. Он утверждает, что на г-на Ли было оказано давление, чтобы он признал свою вину.

15. Источник далее утверждает, что в деле г-на Ли характерно отсутствие процедурной транспарентности. Он, например, отмечает, что в статье 73 уголовно-процессуального закона, которая упоминалась в первоначальном уведомлении о наблюдении по месту жительства, указано, что Народная прокуратура осуществляет надзор за ведением наблюдения по месту жительства в установленном месте. Однако нет никаких признаков того, что Прокуратура была как-либо причастна к этому делу в течение всего периода содержания г-на Ли под таким наблюдением по месту жительства.

16. Источник также отмечает, что после перевода г-на Ли в центр содержания под стражей сотрудники консульства Соединенных Штатов Америки в Шанхае неоднократно запрашивали о том, было ли это дело передано в прокуратуру, однако должностные лица Китая отказывались предоставить ответ или какие-либо письменные документы.

17. После суда над г-ном Ли 10 августа 2017 года в течение трехмесячного срока не давалось никаких объяснений в отношении продолжающейся задержки оглашения приговора по этому делу. Лишь 9 ноября 2017 года г-н Ли и его адвокат были ретроактивно уведомлены о том, что 30 сентября 2017 года дело было вновь направлено из суда в прокуратуру для проведения дополнительного расследования, а затем, якобы через 30 дней, было возвращено в суд. В результате дополнительного расследования не было выявлено никаких новых доказательств. В связи с этим источник утверждает, что власти, занимающиеся делом г-на Ли, решили применить к нему свои собственные сроки и процедуру, а также ретроактивно обосновать свои действия, с тем чтобы они номинально соответствовали положениям уголовно-процессуального закона.

18. Источник далее утверждает, что г-ну Ли не разрешали воспользоваться услугами адвоката вплоть до начала 2017 года и у него не было доступа к адвокату в период его пребывания под наблюдением по месту жительства в установленном месте. Источник заявляет, что наблюдение по месту жительства в установленном месте представляет собой принудительную практику содержания лиц под стражей в неуказанном, неконтролируемом месте, где их ежедневно подвергают чрезвычайно жесткому допросу без доступа к юридическому представительству, что противоречит статье 33 уголовно-процессуального закона, в которой предусматривается, что обвиняемые имеют право в любое время нанимать адвоката. Источник добавляет, что доказательства и вынужденные признания, полученные в периоды наблюдения по месту жительства в установленном месте, считаются юридически действительными.

Источник ставит под сомнение действительность доказательств, полученных без доступа к юридическому представительству, и утверждает, что они не имеют ничего общего со справедливым судебным разбирательством.

19. Источник утверждает далее, что даже после перевода г-на Ли в центр содержания под стражей должностные лица в течение нескольких месяцев не разрешали ему встречаться с адвокатом. В ходе визита представителей консульства в декабре 2016 года один из сотрудников Шанхайского бюро государственной безопасности сообщил сотруднику консульства Соединенных Штатов, что им необходимо определить, может ли разрешение г-ну Ли встретиться со своим адвокатом представлять угрозу для безопасности Китая. Впоследствии просьба адвоката г-на Ли встретиться с ним была отклонена, а вместо этого разрешена лишь переписка, которую могли бы отслеживать и проверять сотрудники Шанхайского бюро государственной безопасности. Источник уточняет, что входящие сообщения от адвоката г-ну Ли по сообщениям носили конфиденциальный характер, а все, что писал своему адвокату г-н Ли, не было таковым. Источник отмечает, что это противоречит статье 33 Уголовно-процессуального кодекса, в которой четко указано, что подозреваемые в совершении уголовных преступлений имеют право на доступ к адвокату сразу же после проведения их первого допроса органами расследования.

20. По данным источника, лишь в январе 2017 года г-н Ли смог получить письменные сообщения от своего адвоката. В то время ему все еще не разрешали писать адвокату или встречаться с ним лично. Первый личный визит адвоката к г-ну Ли состоялся в марте 2017 года, после того как 24 февраля 2017 года его дело было передано в прокуратуру. После этого г-н Ли и его адвокат неоднократно встречались лично. Источник добавляет, что сотрудники консульства Соединенных Штатов имели возможность встретиться с г-ном Ли в течение нескольких дней в ходе его первоначального задержания и ежемесячно посещали его вплоть до его перевода в тюрьму в марте 2019 года.

21. По информации источника, г-н Ли не имел доступа к материалам своего дела до тех пор, пока не получил возможности встречаться со своим адвокатом. В устном общении с должностными лицами Соединенных Штатов Америки китайские должностные лица заявили, что в багаже г-на Ли якобы был найден промышленно изготовленный компонент, связанный с компанией «Хью Технолоджис», и этот компонент стал вещественным доказательством, оправдывающим его задержание. О таком вещественном доказательстве не упоминается, однако, ни в уведомлении об аресте, ни в приговоре, вынесенном Шанхайским народным судом № 1 промежуточной инстанции в июле 2018 года.

22. Источник отмечает, что в китайском уголовном законодательстве предусмотрены многочисленные исключения в тех случаях, когда считается, что подозреваемый представляет угрозу для национальной безопасности. Однако определение того, подпадает ли тот или иной случай под эти исключения, является, по мнению источника, в сущности произвольным, поскольку органы государственной безопасности имеют право объявлять все, что угодно, даже ретроактивно, государственной тайной. Источник, в частности, утверждает, что государственные секреты, которые якобы раскрыл г-н Ли, можно найти в результате поиска в Интернете, даже в Китае.

23. Источник приходит к выводу о том, что вышеупомянутые несоответствия позволяют предположить, что причины задержания г-на Ли имеют политическую, а не уголовную подоплеку, особенно с учетом того, что Китай уже давно использует обвинения в создании угрозы для государственной безопасности в политических целях. Источник также ссылается на задержания других иностранных граждан, в ходе которых власти не раскрывали, какие именно пункты предъявлены лицам, обвиняемым в создании угрозы государственной безопасности, на том основании, что это само по себе поставило бы под угрозу национальную безопасность Китая.

24. Источник далее сообщает, что первоначально китайские должностные лица не разрешили никаких контактов между г-ном Ли и его родственниками, кроме одного короткого телефонного разговора в июне 2018 года, спустя почти два года после

первоначального ареста. Единственным средством прямой связи между г-ном Ли и его семьей были письма, которые проверялись китайскими властями. Согласно источнику, процесс проверки задерживает передачу писем на срок от нескольких недель до нескольких месяцев, а в некоторых случаях письма были объявлены утерянными либо не были отправлены без объяснения причин. Источник утверждает, что это является прямым нарушением статьи 12 Всеобщей декларации прав человека.

25. Источник добавляет, что г-ну Ли было позволено делать два телефонных звонка в месяц после его перевода в тюрьму Цинпу в марте 2019 года, хотя первый телефонный звонок был сделан лишь через несколько месяцев после этого из-за явных проблем с телефонной системой. Теперь он имеет право звонить своим родственникам дважды в месяц каждый раз продолжительностью в 7,5 минут. Эти телефонные звонки, также как и посещения сотрудников консульства Соединенных Штатов, записываются и тщательно отслеживаются китайскими властями.

26. Источник сообщает, что все звонки, письма и посещения сотрудниками консульства строго контролируются властями, которые не разрешают г-ну Ли общаться с выборными государственными должностными лицами или обращаться к ним с какими-либо просьбами. Кроме того, по утверждениям, должностные лица по-прежнему убеждены, что серьезный характер преступления г-на Ли требует особого обращения с ним, тем самым отказывая ему в осуществлении его прав.

27. Наконец, источник утверждает, что обвинения в создании угрозы государственной безопасности обычно используются правительством Китая для задержания иностранных граждан по политическим мотивам. Он утверждает, что задержание г-на Ли носит политический, а не уголовный характер. Источник делает вывод о том, что задержание г-на Ли, по крайней мере отчасти, объясняется его статусом иностранного гражданина китайского происхождения.

Ответ правительства

28. Рабочая группа 10 марта 2020 года препроводила утверждения источника правительству в рамках своей обычной процедуры представления сообщений. Рабочая группа просила правительство предоставить ей к 11 мая 2020 года подробную информацию о положении г-на Ли, а также любые замечания, касающиеся утверждений источника. Кроме того, Рабочая группа призвала правительство обеспечить физическую и психическую неприкосновенность г-на Ли.

29. В своем ответе от 29 апреля 2020 года правительство отмечает, что 9 сентября 2016 года г-н Ли был подвергнут принудительным мерам, принятым Шанхайским бюро государственной безопасности по подозрению в шпионаже в соответствии с законом. Бюро 24 февраля 2017 года передало дело в прокуратуру для привлечения к уголовной ответственности по закону.

30. По данным правительства, в период, когда в отношении г-на Ли принимались принудительные меры согласно закону, представители Министерства государственной безопасности встречались с семьей г-на Ли в Шанхае и договорились о том, что ему следует общаться со своими родственниками в соответствии с Венской конвенцией о консульских сношениях, Консульской конвенцией между Соединенными Штатами и Китаем и уголовно-процессуальным законом. В то же время Генеральное консульство Соединенных Штатов в Шанхае было в срочном порядке информировано о деле г-на Ли, и семь раз были должным образом организованы посещения сотрудников отдела оказания услуг гражданам Соединенных Штатов и консульских услуг Генерального консульства Соединенных Штатов, а также они дважды присутствовали на заседаниях суда, посвященных вынесению приговора. Права г-на Ли были в полной мере гарантированы.

31. Правительство добавляет, что 25 июля 2018 года Шанхайский народный суд № 1 промежуточной инстанции вынес решение в первой инстанции в соответствии с законом, признав г-на Ли виновным в шпионаже и приговорив его к 10 годам тюремного заключения, конфискации имущества на сумму 50 тыс. китайских юаней и депортации. После вынесения приговора г-н Ли подал апелляцию. Шанхайский

высший народный суд 18 января 2019 года отклонил апелляцию г-на Ли и оставил в силе первоначальный приговор в соответствии с законом.

32. Согласно отчету правительства Китая, суды установили, что г-н Ли принял от агентов шпионской организации задание по розыску, сбору и предоставлению им государственных секретов страны, тем самым поставив под угрозу национальную безопасность Китая в результате действий, представляющих собой преступление шпионажа. Суды рассматривали дело г-на Ли в строгом соответствии с законом, в полной мере гарантируя его процессуальные права, и в срочном порядке сообщили представителям Соединенных Штатов о судебном разбирательстве, в том числе о времени и месте вынесения приговора, а также приняли меры к тому, чтобы те присутствовали на судебных заседаниях и наблюдали за вынесением приговора. В ходе судебного разбирательства власти Китая приняли специальные меры по гуманитарным соображениям в рамках, допускаемых внутренним законодательством, и разрешили г-ну Ли поговорить со своими родственниками, за что он выразил им благодарность.

33. Правительство также утверждает, что придерживается принципа равенства перед законом и что оно обращается с преступниками иностранного гражданства законным, строгим, рациональным и цивилизованным образом в соответствии с уголовным правом, уголовно-процессуальным законом и Законом о тюрьмах, в то время как права таких преступников на здоровье, переписку и свидания гарантированы по закону. После перевода г-на Ли в тюрьму Цинпу ни разу не случилось так, чтобы его связи с семьей были строго ограничены или подверглись проверке.

Дополнительные замечания источника

34. В своем ответе источник заявляет, что ответ правительства не затрагивает основных причин, по которым задержание г-на Ли является произвольным согласно критериям Рабочей группы. Например, в ответе правительства ничего не упоминается о содержании г-на Ли под стражей без связи с внешним миром, которое осуществлялось без ордера на арест в течение более двух месяцев с сентября по ноябрь 2016 года. В ответе также не упоминается о том, что в течение всего этого периода и в течение еще двух месяцев, в ходе которых он ежедневно подвергался суровым допросам, у него не было какой бы то ни было формы доступа к услугам адвоката. Дело г-на Ли было рассмотрено судом лишь в апреле 2017 года, т. е. через семь месяцев после первоначального ареста, а до этого дело находилось на рассмотрении прокуратуры. Источник отмечает, что орган, отвечающий за судебное преследование, не может считаться независимым или беспристрастным, как об этом ранее заявляла Рабочая группа².

35. По мнению источника, хотя 25 июля 2018 года и 18 января 2019 года должностным лицам Соединенных Штатов был действительно предоставлен доступ к двум публичным слушаниям по вопросу о вынесении приговоров, следует уточнить, что это были не более, чем формальности. Судебные процессы 10 августа 2017 года и 29 декабря 2018 года фактически проходили за закрытыми дверями, и на них сотрудникам консульства, членам семей и всем прочим представителям общественности было запрещено присутствовать, что является нарушением статьи 10 Всеобщей декларации прав человека и пункта 2 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

36. Источник также поясняет, что утверждение о «специальных мерах по гуманитарным соображениям» предположительно относится к единичному предшествовавшему суду телефонному разговору между г-ном Ли и его большим отцом. Вопреки ответу правительства право г-на Ли на переписку было ограничено, поскольку в многочисленных случаях, которые могли быть проверены сотрудниками консульства Соединенных Штатов, письма г-на Ли, адресованные его семье и выборным должностным лицам, задерживались для проверки или вообще конфисковывались властями по причине их содержания. В ноябре 2019 года г-н Ли

² Мнение № 12/2016, п. 20.

сообщил о том, что тюремные должностные лица пригрозили ему наказанием за телефонный звонок, во время которого он вкратце призвал одного из своих родственников ходатайствовать от его имени в защиту его дела перед должностными лицами правительства Соединенных Штатов. Кроме того, китайские должностные лица прямо заявили, что вся исходящая письменная корреспонденция г-на Ли в адрес его адвоката находится под контролем и не является конфиденциальной.

37. Источник, наконец, отмечает, что в ответе правительства оставлены без внимания довод г-на Ли о том, что государственные секреты, которые он якобы похитил, находятся в свободном доступе в Интернете, или о том, что в судебном решении не упоминаются вещественные доказательства. Все это подтверждает вывод о том, что задержание г-на Ли имеет политическую, а не правовую подоплеку. В заключение источник заявляет, что произвольное задержание иностранных граждан по соображениям шпионажа и национальной безопасности является практикой, которая повсюду в мире неоднократно применялась режимами со слабым верховенством права в политических целях, и дело г-на Ли является еще одним прискорбным примером такой практики.

Обсуждение

38. Рабочая группа благодарит источник и правительство за предоставленные ими материалы. При определении того, является ли задержание г-на Ли произвольным, Рабочая группа исходит из принципов, установленных в ее правовой практике и касающихся разрешения вопросов, имеющих доказательственное значение. Если источник демонстрирует наличие *prima facie* доказательств нарушения международных требований, представляющего собой произвольное задержание, то бремя доказывания обратного, если правительство желает опровергнуть данные утверждения, возлагается на правительство. Кроме того, одних лишь утверждений правительства о том, что были соблюдены законные процедуры, недостаточно для опровержения заявлений источника (A/HRC/19/57, п. 68).

Категория I

39. Рабочая группа вначале рассмотрит вопрос о том, имели ли место нарушения, подпадающие под категорию I, которая касается лишения свободы без ссылки на какое бы то ни было правовое основание.

40. Источник утверждает, а правительство не оспаривает того, что в момент задержания 9 сентября 2016 года г-ну Ли не был предъявлен ордер на арест и не было сообщено о причинах его ареста.

41. Для того чтобы лишение свободы носило законный характер, недостаточно наличия какого-либо закона, санкционирующего такой арест. Власти должны ссылаться на это правовое основание и применять его к обстоятельствам дела посредством выдачи ордера на арест, что в данном деле не было сделано³.

42. Международное право, касающееся права на личную свободу, допускает ограничения этого права и включает право на их применение при предъявлении ордера на арест в случаях, не связанных с арестами, произведенными на месте преступления, в целях обеспечения объективности процесса ареста. Требуется также, чтобы решение о том, оправдан ли арест, принималось внешним органом, т. е. компетентным, независимым и беспристрастным судебным органом. С точки зрения процедуры это неотделимо от права на личную свободу и неприкосновенность и принципа запрещения произвольного лишения свободы в соответствии со статьями 3 и 9 Всеобщей декларации прав человека и принципами 2, 4 и 10 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме⁴.

³ См., например, мнения № 93/2017, п. 44; № 10/2018, пп. 45 и 46; № 36/2018, пп. 39 и 40; № 46/2018, п. 48; № 9/2019, п. 29; № 32/2019, п. 29; № 33/2019, п. 48; № 44/2019, п. 52; № 45/2019, п. 51; и № 46/2019, п. 51.

⁴ Рабочая группа с первых лет своей деятельности утверждает, что практика задержания человека без ордера на арест делает его задержание произвольным. См., например, решения

43. Рабочая группа считает также, что, для того чтобы иметь возможность сослаться на правовые основания для лишения свободы, властям следовало в момент задержания сообщить г-ну Ли о причинах его ареста и в кратчайшие сроки информировать о предъявляемых ему обвинениях⁵. То обстоятельство, что этого не было сделано, представляет собой нарушение статьи 9 Всеобщей декларации прав человека и принципа 10 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме. Это также лишает его арест каких-либо правовых оснований.

44. Источник утверждает далее, а правительство вновь этого не оспаривает, что г-н Ли подвергался насильственному исчезновению и содержанию под стражей без связи с внешним миром на протяжении более двух месяцев, с момента его ареста 9 сентября 2016 года до его официально оформленного ареста и перевода в Шанхайский центр содержания под стражей № 1 25 ноября 2016 года. Рабочая группа напоминает, что насильственные исчезновения нарушают множество материальных и процессуальных норм Пакта и представляют собой особо отягчающую форму произвольного задержания⁶. Такое лишение свободы, связанное с отказом сообщить о судьбе или местонахождении соответствующих лиц либо признать их задержание, ни при каких обстоятельствах не имеет под собой законных оснований. Кроме того, оно является заведомо произвольным, поскольку выводит такого человека из-под защиты закона в нарушение статьи 6 Всеобщей декларации прав человека⁷. Рабочая группа напоминает, что акт насильственного исчезновения определяется так, чтобы проводилось четкое различие между ним и смежными правонарушениями, в частности такими, как насильственное лишение свободы, похищение силой, похищение и содержание под стражей без связи с внешним миром. В любом определении должны содержаться по меньшей мере следующие три совокупных элемента: лишение свободы против воли соответствующего лица; участие должностных лиц государства, как минимум косвенное при их молчаливом согласии; и отказ сообщать о судьбе и местонахождении соответствующего лица⁸. Рабочая группа передает настоящее дело на рассмотрение Рабочей группы по насильственным или недобровольным исчезновениям.

45. Как неизменно заявляла Рабочая группа, содержание лиц под стражей без связи с внешним миром нарушает их право предстать перед судом и оспаривать законность их задержания в суде согласно статье 9 Всеобщей декларации прав человека⁹. Рабочая группа напоминает о том, что судебный надзор за содержанием под стражей является одной из основных гарантий личной свободы и необходимым условием того, чтобы содержание под стражей имело под собой правовые основания. В силу того, что г-н Ли ни с кем не мог связаться, и особенно со своим адвокатом, что является важной гарантией обеспечения любому задержанному лицу возможности лично опротестовать свое задержание, было также нарушено его право на эффективное средство правовой защиты по статье 8 Всеобщей декларации прав человека.

46. Г-на Ли содержали под наблюдением без связи с внешним миром по месту жительства в установленном месте в соответствии со статьей 73 уголовно-

№ 1/1993, пп. 6 и 7; № 3/1993, пп. 6 и 7; № 4/1993, п. 6; № 5/1993, пп. 6, 8 и 9; № 27/1993, п. 6; № 30/1993, пп. 14 и 17 а); № 36/1993, п. 8; № 43/1993, п. 6; № 44/1993, пп. 6 и 7. Более позднюю практику см. в мнениях № 38/2013, п. 23; № 48/2016, п. 48; № 21/2017, п. 46; № 63/2017, п. 66; № 76/2017, п. 55; № 83/2017, п. 65; № 88/2017, п. 27; № 93/2017, п. 44; № 3/2018, п. 43; № 10/2018, п. 46; № 26/2018, п. 54; № 30/2018, п. 39; № 38/2018, п. 63; № 47/2018, п. 56; № 51/2018, п. 80; № 63/2018, п. 27; № 68/2018, п. 39; и № 82/2018, п. 29.

⁵ См., например, мнение № 10/2015, п. 34. См. также мнения № 32/2019, п. 29; № 33/2019, п. 48; № 44/2019, п. 52; № 45/2019, п. 51; и № 46/2019, п. 51.

⁶ См. мнения № 5/2020, п. 74; и № 6/2020, п. 43.

⁷ См. Декларацию о защите всех лиц от насильственных исчезновений. См. также мнения № 82/2018, п. 28; № 18/2019, п. 33; № 22/2019, п. 67; № 26/2019, п. 88; № 28/2019, п. 61; № 29/2019, п. 54; № 36/2019, п. 35; № 41/2019, п. 32; № 42/2019, п. 48; № 51/2019, п. 58; и № 56/2019, п. 79.

⁸ A/HRC/16/48/Add.3, п. 21. См. также E/CN.4/1996/38, п. 55.

⁹ См. мнения № 45/2017, № 46/2017, № 79/2017, № 11/2018 и № 35/2018.

процессуального закона, в которой предусматривается, что наблюдение по месту жительства должно осуществляться там, где проживает подозреваемое или обвиняемое лицо, либо в специально установленном для этого месте, если у него/нее нет постоянного места жительства. В случаях, когда речь идет о подозрении в совершении преступления, выражающегося в создании угрозы государственной безопасности, и преступления, связанного с террористической деятельностью, и есть основания полагать, что наблюдение за подозреваемым или подсудимым по месту жительства может мешать ведению расследования, такое наблюдение — с разрешения Народной прокуратуры или вышестоящего органа общественной безопасности — может обеспечиваться в специально установленном месте пребывания, при условии, что наблюдение по месту жительства не осуществляется в месте содержания под стражей или специальном месте для проведения следствия. В ней также предусматривается, что в случаях, когда подозреваемого или подсудимого помещают под наблюдение по месту жительства, его/ее семье должно быть направлено соответствующее сообщение об этом в течение 24 часов после вступления в силу решения о наблюдении по месту жительства, за исключением случаев, когда такое уведомление не может быть подготовлено. В тех случаях, когда подозреваемые и подсудимые, находящиеся под наблюдением по месту жительства, дают доверенность своим защитникам, применяется статья 33 того же закона¹⁰. Обязанностью Народной прокуратуры является осуществление надзора за законностью исполнения этого решения и обеспечением наблюдения по месту жительства в установленных местах пребывания.

47. Рабочая группа считает, что термин «наблюдение по месту жительства в установленном месте пребывания» представляет собой формулировку, вводящую в заблуждение, поскольку, например, г-н Ли, подозреваемый или подсудимый, в отношении которого оно применяется, привязан не к своему обычному месту проживания (тогда речь шла бы о домашнем аресте), а к установленному месту пребывания, которым вполне может быть тюрьма. Шанхайское бюро государственной безопасности, действуя через прокуратуру, в сущности может сделать так, чтобы человек исчез без судебного надзора. По мнению Рабочей группы, предоставление сотрудникам правоохранительных органов таких полномочий лишено каких бы то ни было правовых оснований¹¹.

48. Рабочая группа и другие мандатарии специальных процедур выразили обеспокоенность по поводу того, что наблюдение по месту жительства в режиме установленного места пребывания, согласно поправкам, внесенным в статью 73 уголовно-процессуального закона 2012 года, осуществляется так, что это нарушает права человека¹². Эта обеспокоенность касается того, что:

а) практика, которая заключается в помещении лиц под стражу без связи с внешним миром на продолжительное время без раскрытия их местонахождения для проведения расследования, приравнивается к тайному содержанию под стражей и представляет собой одну из форм насильственного исчезновения;

б) практика помещения под наблюдение по месту жительства в установленном месте без судебного надзора и предъявления официальных обвинений противоречит праву каждого человека не подвергаться произвольному лишению свободы и в срочном порядке оспаривать в суде законность своего задержания, а также праву обвиняемых на защиту с помощью адвоката по своему выбору;

в) ведение наблюдения по месту жительства в установленном месте, как представляется, позволяет в течение длительного времени содержать лиц, подозреваемых в совершении определенных преступлений, без связи с внешним миром и в неизвестных местах, что само по себе может представлять собой жестокое,

¹⁰ В пересмотренном в 2018 году уголовно-процессуальном законе соответствующей статьёй теперь является статья 34.

¹¹ Мнение № 36/2019, п. 38.

¹² Сообщение CHN 15/2018 от 24 августа 2018 года. URL: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=23997>. См. также мнение № 15/2019, п. 42.

бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание или даже пытку, а, кроме того, может подвергать их повышенной опасности дальнейших злоупотреблений, включая пытки;

d) ведение наблюдения по месту жительства в установленном месте, как представляется, используется для ограничения осуществления правозащитниками и их адвокатами права на свободу выражения мнений и прав на свободу мирных собраний и ассоциации.

49. Рабочая группа отмечает, что г-н Ли не был в срочном порядке доставлен в суд, т. е. в течение 48 часов после ареста, чему могли бы воспрепятствовать лишь абсолютно исключительные обстоятельства, согласно международной норме, закрепленной в правовой практике Рабочей группы¹³. Поэтому правительство нарушило статью 9 Всеобщей декларации прав человека, а также принципы 11, 37 и 38 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме.

50. Рабочая группа отмечает далее, что г-ну Ли не было предоставлено права обратиться за рассмотрением в суд, с тем чтобы суд мог безотлагательно принять решение о законности его задержания согласно статьям 3, 8 и 9 Всеобщей декларации прав человека и принципам 11, 32 и 37 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме. В Основных принципах и Руководящих положениях Организации Объединенных Наций в отношении средств правовой защиты и процедур, связанных с правом любого лишенного свободы лица обращаться в суд, подтверждается, что право оспорить законность задержания в суде представляет собой самостоятельное право человека, несоблюдение которого является нарушением прав человека, и имеет чрезвычайно важное значение для поддержания законности в демократическом обществе¹⁴. Это право, которое фактически является императивной нормой международного права, применяется ко всем формам и ситуациям лишения свободы¹⁵. Судебный надзор за лишением свободы является одной из основных гарантий личной свободы и необходимым условием того, чтобы содержание под стражей опиралось на правовые основания¹⁶.

51. Рабочая группа также не может не отметить, что г-н Ли был фактически лишен своего права на адвоката и юридическое представительство, что с процессуальной точки зрения является неотъемлемым элементом права на свободу и безопасность и запрета на произвольное задержание, в нарушение статей 3 и 9 Всеобщей декларации прав человека; принципов 15, 17 и 18 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме; и принципов 1, 5, 7, 8, 21 и 22 Основных принципов, касающихся роли юристов. Согласно принципу 9 и руководящему положению 8 Основных принципов и Руководящих положений Организации Объединенных Наций в отношении средств правовой защиты и процедур, связанных с правом любого лишенного свободы лица обращаться в суд, лишенные свободы лица имеют право на юридическую помощь выбранного ими адвоката в течение всего периода их содержания под стражей, в том числе сразу же после их взятия под стражу, и должны быть немедленно информированы об этом праве при взятии под стражу; а, кроме того, доступ к адвокату не должен быть незаконно или необоснованно ограничен¹⁷. Рабочая группа отмечает, что доступ к адвокату с самого начала содержания под стражей является важнейшей

¹³ Мнения № 57/2016, пп. 110 и 111; № 2/2018, п. 49; № 83/2018, п. 47; № 11/2019, п. 63; № 20/2019, п. 66; № 26/2019, п. 89; № 30/2019, п. 30; № 36/2019, п. 36; № 42/2019, п. 49; № 51/2019, п. 59; № 56/2019, п. 80; № 76/2019, п. 38; и № 82/2019, п. 76.

¹⁴ A/HRC/30/37, пп. 2 и 3.

¹⁵ Там же, п. 11, и приложение, п. 47 а). См. также мнение № 39/2018, п. 35.

¹⁶ Мнения № 35/2018, п. 27; № 83/2018, п. 47; № 32/2019, п. 30; № 33/2019, п. 50; № 44/2019, п. 54; № 45/2019, п. 53; № 59/2019, п. 51; и № 65/2019, п. 64.

¹⁷ A/HRC/30/37, приложение.

гарантией обеспечения того, что задержанный сможет оспорить правовые основания для его/ее задержания¹⁸.

52. В связи с этим Рабочая группа считает, что лишение г-на Ли свободы не имеет под собой правовых оснований и, таким образом, является произвольным, подпадая под категорию I.

Категория III

53. Рабочая группа отмечает, что г-н Ли не имел доступа к адвокату по своему выбору с момента его ареста 9 сентября 2016 года до января 2017 года, когда он получил письменные сообщения от своего адвоката впервые за этот четырехмесячный период, в ходе первых двух месяцев которого ежедневно проводились чрезвычайно жесткие допросы в условиях наблюдения по месту жительства в установленном месте. Даже после этого ему не разрешалось ни писать своему адвокату, ни встречаться с ним лично, а первое личное посещение состоялось в марте 2017 года, после того как 24 февраля 2017 года дело было передано в прокуратуру.

54. По мнению Рабочей группы, правительство не проявило неизменного уважения к праву г-на Ли на юридическую помощь, неотделимому от права на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, в соответствии со статьями 3, 9, 10 и пунктом 1 статьи 11 Всеобщей декларации прав человека; принципами 15, 17 и 18 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме; и принципами 1, 5, 7, 8, 21 и 22 Основных принципов, касающихся роли юристов¹⁹.

55. Рабочая группа считает, что это нарушение существенно подорвало и поставило под угрозу способность г-на Ли защищать себя в ходе любых последующих судебных разбирательств. Как подчеркнула Рабочая группа, согласно принципу 9 и руководящему положению 8 Основных принципов и Руководящих положений Организации Объединенных Наций в отношении средств правовой защиты и процедур, связанных с правом любого лишенного свободы лица обращаться в суд, лишенные свободы лица имеют право на юридическую помощь выбранного ими адвоката в течение всего периода их содержания под стражей, в том числе сразу же после их взятия под стражу, и должны быть немедленно информированы об этом праве при взятии под стражу. Кроме того, право на доступ к адвокату не должно быть незаконно или необоснованно ограничено²⁰.

56. Рабочая группа также отмечает несоблюдение правительством прав г-на Ли, в том числе права быть информированным о его праве на получение в срочном порядке консульской помощи в соответствии с пунктом 1 b) статьи 36 Венской конвенции о консульских сношениях. Это и другие нарушения прав, гарантированных в соответствии с подпунктами a), b) и c) пункта 1 статьи 36 Венской конвенции о консульских сношениях, представляют собой серьезные нарушения прав на надлежащую правовую процедуру и на справедливое судебное разбирательство в соответствии со статьей 10 и пунктом 1 статьи 11 Всеобщей декларации прав человека и пунктом 2 принципа 16 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме.

57. Рабочая группа отмечает, что в своей резолюции 72/179 Генеральная Ассамблея решительно подтвердила обязанность государств-участников обеспечивать полное уважение и соблюдение Венской конвенции о консульских сношениях, в частности в том, что касается права всех иностранных граждан независимо от их миграционного статуса сноситься с консульскими сотрудниками представляемого государства в случае ареста, лишения свободы, заключения под стражу или задержания,

¹⁸ Мнение № 40/2020, п. 29.

¹⁹ См. также сообщение TUR 15/2018 от 22 октября 2018 года. URL: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=24130>.

²⁰ A/HRC/30/37, приложение. См. также A/HRC/45/16, п. 55.

и обязанность государства пребывания безотлагательно информировать иностранного гражданина о его правах согласно Конвенции²¹.

58. Кроме того, в пункте 2 принципа 16 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, обращается внимание на важность консульской помощи для задержанного или находящегося в заключении иностранного гражданина и особо упоминается его/ее право связаться с помощью надлежащих средств с консульством или дипломатическим представительством государства, гражданином которого он/она является²². В пункте 1 правила 62 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) также указано, что иностранным гражданам, находящимся в заключении, следует обеспечивать разумную возможность поддерживать связь с дипломатическими и консульскими представителями их государства²³.

59. Рабочая группа также выражает обеспокоенность в связи с утверждениями *prima facie* о применении пыток, в том числе жестких допросов, ежедневно проводимых агентами Шанхайского бюро государственной безопасности в период насильственного исчезновения и содержания под стражей без связи с внешним миром, длившийся в течение двух месяцев, с целью побудить к признанию вины. Соответственно, Рабочая группа считает, что источник достоверно установил наличие достаточно серьезных доказательств для возбуждения дела в отношении нарушения статей 5 и 25 Всеобщей декларации прав человека; статьи 2 и пункта 1 статьи 16 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; принципа 6 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме; и правила 1 Правил Нельсона Манделы. Отсутствие принятых правительством мер по исправлению положения в соответствии со статьями 12 и 13 Конвенции против пыток и принципом 33 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, вынуждает Рабочую группу передать настоящее дело Специальному докладчику по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания для дальнейшего рассмотрения²⁴.

²¹ См. также резолюцию 72/149 Генеральной Ассамблеи. В своей резолюции 73/175 в контексте смертной казни Генеральная Ассамблея призвала государства соблюдать свои обязательства по статье 36 Венской конвенции о консульских сношениях, в частности право на получение информации о консульской помощи. В своей резолюции 42/24 Совет по правам человека также призвал государства соблюдать эти обязательства. См. также резолюции 74/166, 74/167 и 74/168 Генеральной Ассамблеи и резолюцию 40/20 Совета по правам человека.

²² См. также статью 10 Декларации о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (резолюция 40/144 Генеральной Ассамблеи, приложение).

²³ См. также руководящее положение 21 Основных принципов и руководящих положений Организации Объединенных Наций в отношении средств правовой защиты и процедур, связанных с правом любого лишенного свободы лица обращаться в суд, о разрешении мониторинга всех мест содержания иммигрантов под стражей и составления публичных отчетов о них сотрудникам консульских служб (при наличии просьбы содержащихся в иммиграционных центрах лиц), с тем чтобы обеспечить доступность и эффективность осуществления права на обращение в суд с целью оспаривания законности и выявления произвольности содержания под стражей, и получения надлежащих средств правовой защиты (A/HRC/30/37, приложение, п. 110).

²⁴ Мнения № 39/2018, п. 42; № 22/2019, п. 77; и № 28/2019, п. 69. Как отметил Комитет против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в своих заключительных замечаниях по Канаде (CAT/C/CAN/CO/6 и CAT/C/CAN/CO/7) в отношении гражданских исков, возбужденных против Исламской Республики Иран во внутренних судах Канады жертвами пыток и/или сексуального насилия со стороны иранских властей, государство должно обеспечить, чтобы все жертвы пыток имели доступ к средствам правовой защиты и возможность получить возмещение, где бы ни происходили акты пыток и независимо от гражданства лица, совершившего эти акты, или жертвы, в том числе путем ограничения применения суверенного иммунитета.

60. По мнению Рабочей группы, подобные пытки сами по себе не только являются грубым нарушением прав человека, но и серьезно подрывают способность лиц защищать себя, и препятствуют осуществлению ими своего права на справедливое судебное разбирательство, особенно в свете права не подвергаться принуждению к даче показаний против самих себя или признанию своей вины в соответствии с пунктом 1 статьи 11 Всеобщей декларации прав человека. Использование признаний, добытых в результате жестокого обращения, также является нарушением принципа 21 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме²⁵. Кроме того, в соответствии с выводом, к которому ранее пришла Рабочая группа, признания, сделанные в отсутствие адвоката, неприемлемы²⁶.

61. Рабочая группа далее отмечает отказ г-ну Ли в праве на посещение его родственниками и на переписку с ними, а также в соответствующей возможности общения с внешним миром на разумных условиях и с учетом ограничений, установленных в законе и утвержденных в соответствии с законом правилами, согласно принципам 15 и 19 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, а также пункту 3 правила 43 и правилу 58 Правил Нельсона Манделы²⁷.

62. Источник утверждает, и правительство этого не оспаривает, что дело г-на Ли слушалось на закрытых заседаниях как в обычном, так и в апелляционном суде в нарушение его права на публичное слушание в соответствии со статьей 10 и пунктом 1 статьи 11 Всеобщей декларации прав человека. Правительство не представило никаких оснований, оправдывающих проведение судебной процедуры в таких исключительных условиях. Поэтому Рабочая группа приходит к выводу о том, что слушания дела на закрытом заседании представляют собой нарушение статьи 10 и пункта 1 статьи 11 Всеобщей декларации прав человека²⁸.

63. Рабочая группа напоминает далее, что до оглашения приговора председатель суда заявила, что не имеет реальных средств контроля над исходом дела и «ожидает, когда ее начальник даст ей указания» в отношении приговора г-на Ли. Источник утверждает, что это служит ярким свидетельством того, что судебное разбирательство в отношении г-на Ли не было справедливым и беспристрастным. Он утверждает, что распоряжение о задержании г-на Ли было скорее дано политическими властями, у которых имелась возможность действовать вопреки мнению судьи. Поэтому Рабочая группа приходит к выводу о том, что отсутствие независимости судебной власти является нарушением статей 10 и 11 Всеобщей декларации прав человека, и передает настоящее дело на рассмотрение Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов.

64. С учетом вышеизложенных замечаний Рабочая группа делает вывод о том, что нарушения права на справедливое судебное разбирательство и надлежащую правовую процедуру являются настолько серьезными, что это придает лишению свободы г-на Ли произвольный характер, подпадающий под категорию III.

65. За 29 лет своего существования Рабочая группа в более чем 95 случаях признала факт нарушения Китаем своих международных обязательств в области прав человека²⁹. Рабочая группа обеспокоена тем, что это свидетельствует о наличии в

²⁵ См. также мнения № 48/2016, № 3/2017, № 6/2017, № 29/2017 и № 39/2018.

²⁶ Мнения № 40/2012, п. 48; № 1/2014, п. 22; и № 14/2019, п. 71.

²⁷ Мнения № 35/2018, п. 39; № 44/2019, пп. 74 и 75; и № 45/2019, п. 76.

²⁸ Мнения № 20/2019, п. 85; № 22/2019, п. 75; и № 71/2019, п. 89.

²⁹ См. решения № 43/1993, № 44/1993, № 53/1993, № 63/1993, № 64/1993, № 65/1993, № 66/1993, № 46/1995 и № 19/1996, а также мнения № 30/1998, № 1/1999, № 2/1999, № 16/1999, № 17/1999, № 19/1999, № 21/1999, № 8/2000, № 14/2000, № 19/2000, № 28/2000, № 30/2000, № 35/2000, № 36/2000, № 7/2001, № 8/2001, № 20/2001, № 1/2002, № 5/2002, № 15/2002, № 2/2003, № 7/2003, № 10/2003, № 12/2003, № 13/2003, № 21/2003, № 23/2003, № 25/2003, № 26/2003, № 14/2004, № 15/2004, № 24/2004, № 17/2005, № 20/2005, № 32/2005, № 33/2005, № 38/2005, № 43/2005, № 11/2006, № 27/2006, № 41/2006, № 47/2006, № 32/2007, № 33/2007, № 36/2007, № 21/2008, № 29/2008, № 26/2010, № 29/2010, № 15/2011, № 16/2011, № 23/2011, № 29/2011, № 7/2012, № 29/2012, № 36/2012, № 51/2012, № 59/2012, № 2/2014, № 3/2014,

Китае системной проблемы произвольных задержаний, что представляет собой серьезное нарушение международного права. Рабочая группа напоминает о том, что при определенных обстоятельствах широкое или систематическое применение тюремного заключения или других суровых форм лишения свободы в нарушение норм международного права может представлять собой преступление против человечности³⁰.

66. Наконец, Рабочая группа хотела бы получить возможность посетить Китай с целью оказания правительству помощи в решении проблемы произвольного лишения свободы. С учетом того, что после посещений ею Китая в октябре 1997 года и в сентябре 2004 года прошло много времени, Рабочая группа считает, что настало время посетить эту страну. Рабочая группа напоминает, что обратилась с просьбой о посещении 15 апреля 2015 года, и ожидает положительного ответа.

Решение

67. В свете вышеизложенного Рабочая группа выносит следующее мнение:

Лишение свободы г-на Кая Ли, нарушающее статьи 3, 6, 8, 9, 10, пункт 1 статьи 11 и статью 25 Всеобщей декларации прав человека, носит произвольный характер и подпадает под категории I и III.

68. Рабочая группа просит правительство Китая в срочном порядке принять необходимые меры с целью исправления положения г-на Ли и приведения его в соответствие с действующими в данной области международными нормами, включая нормы, изложенные во Всеобщей декларации прав человека. Рабочая группа настоятельно призывает правительство присоединиться к Международному пакту о гражданских и политических правах.

69. Рабочая группа считает, что с учетом всех обстоятельств дела надлежащей мерой исправления положения было бы немедленное освобождение г-на Ли и предоставление ему обладающего искомой силой права на компенсацию и возмещение ущерба в иной форме в соответствии с международным правом. В нынешних условиях глобальной пандемии коронавирусного заболевания (COVID-19) и угрозы, которую она представляет в местах содержания под стражей, Рабочая группа призывает правительство принять срочные меры для обеспечения немедленного освобождения г-на Ли.

70. Рабочая группа призывает правительство обеспечить проведение тщательного и независимого расследования обстоятельств произвольного лишения свободы г-на Ли, а также принять надлежащие меры в отношении лиц, виновных в нарушении его прав.

71. Рабочая группа просит правительство привести свое законодательство, в частности о применении наблюдения по месту жительства в установленном месте согласно статье 73 уголовно-процессуального закона, в соответствие с рекомендациями, содержащимися в настоящем мнении, и обязательствами Китая по международному праву в области прав человека.

72. Согласно пункту 33 а) своих методов работы, Рабочая группа передает настоящее дело Рабочей группе по насильственным или недобровольным исчезновениям; Специальному докладчику по вопросу о независимости судей и адвокатов; и Специальному докладчику по вопросу о пытках и других жестоких,

№ 4/2014, № 8/2014, № 21/2014, № 49/2014, № 55/2014, № 3/2015, № 39/2015, № 11/2016, № 12/2016, № 30/2016, № 43/2016, № 46/2016, № 4/2017, № 5/2017, № 59/2017, № 69/2017, № 81/2017, № 22/2018, № 54/2018, № 62/2018, № 15/2019, № 35/2019, № 36/2019, № 72/2019, № 76/2019 и № 11/2020.

³⁰ A/HRC/13/42, п. 30; и мнения № 1/2011, п. 21; № 37/2011, п. 15; № 38/2011, п. 16; № 39/2011, п. 17; № 4/2012, п. 26; № 38/2012, п. 33; № 47/2012, пп. 19 и 22; № 50/2012, п. 27; № 60/2012, п. 21; № 9/2013, п. 40; № 34/2013, пп. 31, 33 и 35; № 35/2013, пп. 33, 35 и 37; № 36/2013, пп. 32, 34 и 36; № 48/2013, п. 14; № 22/2014, п. 25; № 27/2014, п. 32; № 34/2014, п. 34; № 35/2014, п. 19; № 36/2014, п. 21; № 44/2016, п. 37; № 60/2016, п. 27; № 32/2017, п. 40; № 33/2017, п. 102; № 36/2017, п. 110; № 51/2017, п. 57; и № 56/2017, п. 72.

бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания для принятия соответствующих мер.

73. Рабочая группа просит правительство распространить настоящее мнение с использованием всех имеющихся средств и на возможно более широкой основе.

Процедура последующей деятельности

74. В соответствии с пунктом 20 своих методов работы Рабочая группа просит источник и правительство представить ей информацию о последующей деятельности по реализации рекомендаций, сформулированных в настоящем мнении, и в том числе указать:

- a) был ли г-н Ли освобожден и если да, то когда именно;
- b) были ли предоставлены г-ну Ли компенсация или возмещение ущерба в иной форме;
- c) проводилось ли расследование в связи с нарушением прав г-на Ли и если да, то каковы были результаты этого расследования;
- d) были ли в соответствии с настоящим мнением приняты какие-либо законодательные поправки или изменения в практике для приведения законодательства и практики Китая в соответствие с его международными обязательствами;
- e) были ли приняты какие-либо другие меры с целью осуществления настоящего мнения.

75. Правительству предлагается проинформировать Рабочую группу о любых трудностях, с которыми оно столкнулось при осуществлении рекомендаций, сформулированных в настоящем мнении, а также сообщить, нуждается ли оно в дополнительной технической помощи, например в виде посещения Рабочей группой.

76. Рабочая группа просит источник и правительство предоставить вышеуказанную информацию в течение шести месяцев с даты препровождения настоящего мнения. Вместе с тем Рабочая группа оставляет за собой право осуществлять свои собственные последующие действия, если до ее сведения будет доведена новая, вызывающая тревогу информация об этом деле. Такие действия позволят Рабочей группе информировать Совет по правам человека о прогрессе, достигнутом в осуществлении его рекомендаций, а также о любом непринятии мер.

77. Рабочая группа напоминает, что Совет по правам человека призвал все государства сотрудничать с Рабочей группой, учитывать ее мнения и при необходимости принимать надлежащие меры для исправления положения произвольно лишенных свободы лиц и информировать Рабочую группу о принятых ими мерах³¹.

[Принято 25 ноября 2020 года]

³¹ Резолюция 42/22 Совета по правам человека, пп. 3 и 7.